

О Т Л А У Р Е А Т А Б У К Е Р О В С К О Й П Р Е М И И

ГРЭМ СВИФТ

МАТЕРИНСКОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

Москва
2021

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
С24

Graham Swift
MOTHERING SUNDAY

Copyright © 2016 by Graham Swift
This edition published by arrangement with United Agents LLP
and The Van Lear Agency LLC.

В оформлении обложки
использована репродукция картины Амедео Модильяни:
Private Collection / Photo © Christie's Images / Bridgeman
Images / Fotodom.ru

Перевод с английского *Ирины Тогоевой*
Художественное оформление *Владислава Воронина*

Свифт, Грэм.

С24 Материнское воскресенье / Грэм Свифт ; [перевод с английского И. Тогоевой]. — Москва : Эксмо, 2021. — 224 с. — (Кинопремьера мирового масштаба).

ISBN 978-5-04-155765-2

Жизнь соткана из мгновений, впечатлений, ассоциаций. Мало кто их запоминает во всех подробностях. Но Джейн Фэйрчайлд всегда обращала внимание на детали. И Материнское воскресенье 1924 года, день, когда разбился в автокатастрофе Пол Шерингем — ее любовник, она запомнила во всех подробностях — вплоть до звуков и игры теней, запахов и ощущений. И именно в этот день перестала существовать сирота-служанка Джейн и появилась известная писательница, которой предстоит долгая, очень долгая жизнь, в которую уместится правление нескольких королей, две мировых войны и много чего еще. И всю жизнь она будет разгадывать эту тайну: почему реальность отражается в нашем сознании так или иначе? И как найти нужные слова, чтобы воспроизвести цепь мгновений?

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

© Тогоева И., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке,
оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2021

ISBN 978-5-04-155765-2

Посвящается Кэндис

Ты *непременно* поедешь на бал!

Давным-давно, еще до того, как мальчики сложили голову на поле брани, а автомобилей стало больше, чем лошадей, и в поместьях Апли и Бичвуд исчезли слуги-мужчины, так что приходилось довольствоваться всего лишь поварихой и горничной, семейство Шеррингем владело не только четверкой лошадей, стоявших в отдельных стойлах на конюшне, но и поистине великолепным чистокровным скакуном по имени Фанданго. Этого коня содержали в специальной конюшне близ Ньюберы. Он еще ни разу ни черта не выиграл, но все же служил для семьи как бы некоей индульгенцией, ибо в нем воплощалась надежда на триумфальную победу на традиционных скачках Южной Англии. Согласно договору, мать и отец — которых Пол называл довольно странно: «мои показушники», — владели головой и телом Фанданго, а троим сыновьям, Дику, Фредди и Полу, досталось по ноге.

«А четвертая нога?» — спросите вы. «О, четвертая нога... В том-то все и дело!»

Собственно говоря, бóльшую часть времени Фанданго было для мальчиков просто именем лошади, которую они даже никогда не видели, но знали, что ее содержат в дорогой конюшне и она, по слухам, прекрасно обьезжена. Фанданго продали в 1915-м — Полу тогда как раз исполнилось пятнадцать. «Это было еще до того, как в моей жизни появилась ты, Джей». Но однажды ранним июньским утром — это тоже случилось давным-давно — они всей семьей отправились в довольно странное, показавшееся Полу почти безумным, путешествие с одной-единственной целью: просто полюбоваться своим замечательным скакуном Фанданго и тем, как он галопом носится по безлесным холмам Сассекса. Все они — то есть мать, отец, Дик, Фредди и Пол — стояли у ограды, глядя, как табун лошадей с громоподобным топотом летит прямо на них, потом вдруг резко сворачивает и молнией пролетает мимо. И — кто знает? — возможно, там, у ограды, вместе с ними стоял и еще кто-то, неведомый и невидимый, но тоже из числа заинтересованных лиц. Тот, кому на самом деле и принадлежала четвертая нога Фанданго.

Ее-то ногой тогда точно владел Пол.

Лишь в те мгновения, когда он рассказывал ей об этой поездке, его глаза заволакивала некая туманная пелена, весьма похожая на слезы. И она отчетливо представляла (эти видения не оставят ее и в девяносто лет), что и ей тогда неким чудесным образом удалось поехать вместе с Полом, и они стояли рядом у ограды и смотрели, как Фанданго проносится мимо, расшвыривая копытами землю и сбивая с травы росу. В реальной жизни ей, разумеется, никогда ничего подобного видеть не доводилось, но она легко могла все это себе представить, причем очень отчетливо. Она представляла себе всходящее солнце, красным диском повисшее над серыми холмами, хрусткий от ночного холода воздух и Пола, который угощал ее чем-то из фляжки с серебряной крышечкой, висевшей у него на бедре, и, не особенно скрываясь, лапал ее за задницу.

А сейчас она смотрела, как он бродит туда-сюда по залитой солнечным светом комнате абсолютно голый, если не считать серебряного перстня с печаткой. Она и впоследствии без энтузиазма будет воспринимать слово «жеребец» применительно к мужчинам — и уже тем более не станет охотно этим словом пользоваться. Хотя к Полу-то как раз это слово подходило идеально. Ему было двадцать три, а ей — двадцать два. К нему, пожалуй,

еще неплохо подошло бы и слово «породистый», но она тогда подобной терминологией еще не пользовалась и знала только слово «жеребец». Ей тогда еще очень многие слова известны не были. А «породистым» его можно было назвать потому, что в таких семьях, как у него, на первом месте всегда были «порода», «происхождение», а также хорошее воспитание и образование. Хотя реальная цель этого воспитания и образования была не так уж и важна.

Итак, был март 1924 года. Не июнь. Хотя денек и выдался совершенно июньский. И уже, наверное, перевалило за полдень. И окна были распахнуты настежь, и Пол, абсолютно голый, ходил по комнате, залитой солнечным светом, с той же уверенной беспечностью, с какой это делал бы крупный, сильный зверь, не знакомый с одеждой. Это ведь его комната, не так ли? А значит, здесь он может делать все, что ему заблагорассудится. И она не сомневалась, что это именно так. Просто она никогда раньше в его комнате не бывала и, наверное, никогда больше здесь не окажется.

Но сейчас она лежала на его постели тоже совершенно голая.

Итак, это случилось 30 марта 1924 года. Давным-давно. Кружевная тень от кованой оконной решетки, похожая на тень листвы, скользила по телу Пола. Он взял с маленького туалетного сто-

лика портсигар, зажигалку и маленькую серебряную пепельницу, а когда он снова повернулся к ней, луч солнца высветил в зарослях темных волос внизу живота его бессильно обвисший сейчас член и яйца, похожие на полупустые, немного липкие мешочки. И она могла сколько угодно на все это смотреть, и он совсем даже не возражал.

Впрочем, и он мог сколько угодно смотреть на нее, обнаженную, раскинувшуюся на постели. На ней сейчас были только дешевенькие серьги — ее единственная пара. Она даже простыней не прикрылась. Мало того, еще и руки за голову закинула, чтобы ей было удобнее смотреть на него, голого. И пусть он тоже на нее смотрит, если хочет. Выражение ее лица словно говорило: «Смотри сколько влезет, наслаждайся!» С некоторых пор у нее довольно часто на лице было написано нечто подобное. «Смотри сколько влезет, наслаждайся!»

А за окнами особняка в блаженной неге раскинулся Йоркшир, окутанный ярко-зеленой дымкой распускающейся листвы и насквозь пронизанный звонким птичьим пением — такой вот благословенный, совершенно июньский денек выдался в марте 1924 года.

Интерес к лошадям у Пола все еще не остыл. То есть он по-прежнему бросал деньги на ветер ради того, чтобы всего лишь полюбоваться породисты-

ми лошадьми. Это был его вариант «экономии» — бросать деньги на ветер. Ведь он уже почти восемь лет имел право распоряжаться деньгами, теоретически полагавшимися троим. Он называл это «мой куш». Но при всем при том старался показать ей, что запросто обошелся бы и без этих денег. И время от времени напоминал ей, что то, чем они с ней занимаются уже почти семь лет, не стоит ему ни гроша. Если, конечно, не учитывать необходимость соблюдать высшую степень секретности, постоянно рискуя и хитря — впрочем, все это они оба научились делать очень хорошо.

Но никогда раньше они не вели себя так, как сегодня. Никогда раньше она не лежала в его постели — у него была довольно просторная, но *односпальная* кровать, — никогда раньше она не бывала ни в этой комнате, ни в этом доме. Если и это ничего не стоит, значит, это величайший из даров.

Хотя, если бы он снова вздумал говорить, что это ничего ему не стоит, она могла бы напомнить ему о тех временах, когда он совал ей шестипенсовики. А то и три пенса. Так было в самом начале, еще до того, как у них все стало — как бы это выразиться поточнее? — *очень серьезно*. Впрочем, она бы никогда не осмелилась напоминать ему о тех временах. И уж точно не сейчас. Как не осмелилась бы в разговоре с ним определить их отношения таким словом, как «серьезные».

Он присел на краешек кровати. Провел рукой по ее животу, словно стирая невидимую пыль. Затем пристроил ей на живот зажигалку и пепельницу. Портсигар он по-прежнему держал в руках. Затем достал из портсигара две сигареты и одну вложил в ее уже вытянутые трубочкой губы. Рук из-под головы она так и не вынула. Он сам раскурил сигареты — сперва ей, потом себе. Затем переложил портсигар и зажигалку на прикроватный столик и лег, вытянувшись, с нею рядом, а пепельница так и осталась стоять у нее на животе между пупком и тем, что он теперь, ничуть не церемонясь и даже как-то радостно, называл неприличным словом.

Член, яйца и то самое слово — самые простые, можно сказать, базовые выражения.

Это происходило 30 марта. В воскресенье. В то самое воскресенье, которое носит название Материнского¹.

¹ Материнское воскресенье — четвертое воскресенье Великого поста, когда по традиции дети делают матерям подарки. Теперь этот день часто отождествляется с Днем матери, первоначально религиозным праздником, прославляющим церковь как «мать всех христиан». День матери — праздник американского происхождения, он приходится на второе воскресенье мая. В Англии отмечается со времен Второй мировой войны. — *Здесь и далее примеч. перев.*